

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт массовых коммуникаций, филологии и политологии

Кафедра общей и прикладной филологии, литературы и русского языка

СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ЖАНР И ТЕМАТИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА АЛТГУ)

(Выпускная квалификационная работа)

Выполнила студентка
4 курса, 871 группы
Дарья Дмитриевна Кондратенко

_____
(подпись)

Научный руководитель
к.филол.н., доцент
Елена Юрьевна Сафронова

_____
(подпись)

Работа защищена
«___» _____ 2021 г.

Оценка _____

Допустить к защите
зав. кафедрой, к.филол.н., доцент
Светлана Валерьевна Доронина

_____
(подпись)

« ___ » _____ 2021 г.

Председатель ГЭК
д.филол.наук, профессор
Александр Иванович Куляпин

_____
(подпись)

Барнаул 2021

Введение	3
Глава 1. История собирания и изучения свадебного фольклора Алтайского края.....	6
1.1 Состояние изученности свадебного фольклора Алтайского края	6
1.2 Фольклорные экспедиции Алтайского государственного университета..	10
Глава 2. Свадебные причитания: жанровое своеобразие	13
2.1 К проблеме определения границ жанра причитаний	13
2.2 Жанровые особенности свадебных причитаний	14
2.3 Жанровое взаимодействие причитаний и свадебных лирических песен .	17
Глава 3. Свообразие свадебных причитаний Алтайского края.....	22
3.1 Исполнители свадебных причитаний.....	23
3.2 Просватанье и рукобитье	30
3.3 Девичник.....	34
3.4 Утро перед венцом	41
3.5 Свадебный поезд	42
Заключение	47
Библиографический список	49
Приложение 1	54
Приложение 2	55
Приложение 3	56

Введение

Из всего богатства русских традиционных семейных обрядов свадебный занимает наиболее видное место по художественному, этическому и мировоззренческому воздействию на психологию русского народа, а сопровождавшая его поэзия является бесценным наследием его духовной культуры.

Свадебные обрядовые комплексы являются устойчивой формой обрядности благодаря своей значимости в культуре. Традиционная свадьба, по определению Ю.Г. Круглова, – это сложный ритуал, состоящий из обрядовых действий и обрядовой поэзии, выражающий целый перечень значений: от правовых до религиозно-магических. Она утверждает социальную значимость семьи, поэтому изучение свадебных традиций позволяет раскрыть роль и место семьи в обществе. Ведь «свадьба узаконивала не только гражданское состояние вступающих в брак, она юридически закрепляла и хозяйственные, и экономические взаимоотношения двух семей, двух родов, устанавливавших родственные связи» [Круглов, 2001, с. 5].

В свадебной поэзии нашли отражение многие стороны жизни народа, истории родов и семей. Но, несмотря на это, свадебный обряд конца XIX – начала XX века постепенно забывается. В памяти людей старшего поколения сохранились отдельные поэтические и обрядовые фрагменты, значения которых порой объяснить очень трудно. Многие традиционные свадебные песни переходят в другие песенные циклы, и, трансформируясь, начинают употребляться в качестве игровых, хороводных и плясовых. Изучение жанров свадебной поэзии, его свойств и особенностей позволяет исследовать обряд с разных сторон.

Обрядовое творчество народа — важнейший источник изучения традиционной культуры. Поэтому сохранение свадебного фольклора, его жанров и особенностей является одной из главных задач современной фольклористики. Он предоставляет возможность наиболее полно восполнить

картину народной жизни, познакомиться с особенностями быта, сформировать понятие о моральных и материальных ценностях предков.

В настоящее время, когда общие традиции свадебного обряда изучены достаточно подробно, у исследователей возникает интерес к его локальным обычаям. Региональное своеобразие обусловлено множеством причин: историческими предпосылками, этническим составом, особенностями быта и мн. др.

Таким образом, **актуальность** исследования связана с активным интересом современной фольклористики к региональным особенностям устного народного творчества, которое рассматривается как неотъемлемая часть общего культурно-исторического наследия. Обрядовая поэзия Алтайского края интересна в рамках изучения фольклора Сибири – региона, богатого самобытными традициями и этнографическим своеобразием.

Новизна работы заключается во введении в научный оборот архивного материала кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета и его подробного анализа. Выпускная квалификационная работа посвящена описанию важнейшего, но малоизученного в региональной фольклористике Алтайского края жанра свадебной обрядовой поэзии – причитаний.

Объектом исследования является свадебный фольклор Алтайского края, **предметом** – особенности свадебных причитаний Алтайского края, собранных в период с 1973-2020 гг. кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета

Цель работы: определить степень изученности свадебного фольклора Алтайского края, исследовать жанровые и художественные особенности свадебных причитаний Алтайского края.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

1) найти и изучить научно-исследовательскую литературу по данной теме;

2) проанализировать и систематизировать свадебные причитания Алтайского края;

3) выявить основные жанровые, тематические и художественные черты свадебных причитаний Алтайского края.

Методологической базой для исследования послужили научные труды известных отечественных (В.Я. Проппа, А.Н. Веселовского, В.П. Аникина, Ю.Г. Круглова, С.И. Гуляева) и местных фольклористов (О.С. Щербаковой, Т.Г. Шарабариной, Р.П. Потаниной и др.), занимающихся исследованиями регионального устного народного творчества. Методы исследования: аналитический, описательный, системный, структурно-семиотический, мотивный, культурно-исторический.

Теоретическая ценность исследования заключается в выделении жанрообразующих и тематических черт причитаний.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что результаты исследования могут быть использованы в дальнейшем изучении фольклора Алтайского края.

Основные положения выпускной квалификационной работы были представлены в виде докладов на VII и VIII региональных молодежных конференциях «Мой выбор – наука!» (18.05.2020, 22.04.2021).

Глава 1. История собирания и изучения свадебного фольклора Алтайского края

1.1 Состояние изученности свадебного фольклора Алтайского края

Фольклор Сибири отличается своей неповторимой самобытностью, связанной со спецификой освоения региона. Заселение Сибири проходило одновременно тремя восточнославянскими народами: русскими, украинцами и белорусами [Потанина, 1984, с. 3]. Эта особенность дала основу своеобразному развитию русской поэтической культуры, в частности свадебной поэзии. Кроме множества русских традиций, попавших в Сибирь из разных областей страны, здесь значительны следы влияния белорусской и украинской культур. Заселяя незнакомые земли, люди пытались сохранить традиции тех мест, откуда пришли. Вследствие этого, длительные межкультурные контакты привели к определённой этнической ассимиляции.

В Сибири русская традиционная свадьба появилась в середине XVIII века с появлением первых значительных отрядов переселенцев из других регионов Российской империи. С XIX века начинается интенсивное собирание и публикация записей локальных свадеб и их музыкально-поэтического оформления.

В этот период происходит становление фольклористики как науки, так как интерес к изучению устного народного творчества среди исследователей резко возрастает. В Сибири собиранием фольклора сначала занимались политические ссыльные, чью деятельность направляло Русское Географическое Общество, основанное в 1846 году, и его Восточно-Сибирское отделение, организованное в 1851 году, а позже купцы, которые славились своей образованностью и литературной одарённостью среди местных жителей.

В XIX веке был накоплен богатейший фольклорный материал, описывающий местные сибирские обычаи празднования свадьбы. В этот период активным изучением свадебного обряда и публикацией материалов

занимались такие исследователи, как В.С. Арефьев, Н.О. Осипов, М.Ф. Кривошапкин, В.В. Бартенев, М. Швецова, С.П. Розенбаум, Ф. Зобнин и мн. др.

Одним из первых фольклористов, занимающихся собиранием и изучением свадебного фольклора Алтайского края, стал барнаульский краевед, этнограф Степан Иванович Гуляев (1804-1888). Деятельность этого исследователя положила начало местной фольклористике — им были сделаны первые научные записи фольклорных произведений и этнографических материалов. Местный уроженец, С.И. Гуляев рос среди песен, которые позднее записал из собственной памяти. Кроме того, в его архиве находятся как собственные полевые материалы, так и послания многочисленных помощников [Шарабарина, 2004, с. 8]. В настоящее время рукописи С. И. Гуляева, состоящие из пяти тетрадей («Песни обрядные», «Свадебные обряды», «Песни круговые», «Песни девичьи, женские и юнацкие», «Знахарство») хранятся в Институте русской литературы Российской академии наук. Они составляют самый ранний сборник народной поэзии Алтайского горного округа. Частично материалы сборника были опубликованы в 1848 году в статье «Этнографические очерки Южной Сибири» [Махова, 2020, с. 75-76]. В этой работе фольклорист впервые дал описание свадьбы, точно зафиксировав обряд. До этого публикации содержали либо фольклорную часть обряда (песни и причитания), либо описание последовательности действий участников свадьбы. Заслуга С.И. Гуляева состоит в том, что он объединил фольклорную и этнографическую части в единый комплекс, положив начало сибирской фольклористике [Щербакова, 2003, с. 293].

С конца XIX века и по сей день большое внимание исследователей сибирского фольклора привлекают к себе отдельные этнические группы русского населения. Особый интерес представляли бывшие староверы Сибири. Так, свадьбу «поляков» (группу старообрядцев на Алтае) записала и опубликовала М. Швецова. В своей работе «Поляки Змеиногорского округа»,

вышедшей в «Записках Западно-Сибирского отдела Русского географического общества» в 1899 году, исследователь рассказывает об исторических условиях появления «поляков» на Алтае и приводит характеристику современных обычно-правовых воззрений, анализируя специфику бытования традиционного фольклора и тексты народных песен.

Статья В.И. Мотузной «Свадебный обряд староверов Алтая» (1997) также посвящена изучению фольклора группы старообрядцев и относится к обобщающим фольклорно-этнографическим работам. В ней даётся характеристика общих и локальных особенностей свадьбы «поляков» Третьяковского, Солонешенского и Красногорского районов Алтайского края.

Собирацию и изучению свадебного фольклора «поляков» посвящена публикация О.А. Абрамовой «Свадьба села Сибирячиха Солонешенского района Алтайского края» (2001), где приводится поэтапное воссоздание локального свадебного обряда со слов нескольких информантов. Особое внимание в работе уделяется описанию традиционной свадебной одежды алтайских старообрядцев.

Н.Г. Паньшина в исследовании под названием «Традиционная русская свадьба старожилов села Белого Троицкого района Алтайского края» (1998) описывает ту часть свадебного обряда, которая неразрывно связана с исполнением обрядовых песен. Их тексты приводятся в статье вместе с нотной записью.

В 1980 году вышел нотный сборник «Русские народные песни Алтайского края», составленный Владимиром Григорьевичем Пешняком. Песни, представленные в сборнике, были собраны в результате фольклорных экспедиций, организованных Алтайским государственным институтом культуры и краевым Домом народного творчества в 1975-1978 годах в селениях Курьинского, Каменского и Петропавловского районов. Треть песен сборника (20) принадлежит свадебному обряду.

Сборник «Долгая жизнь слова» (1990) является первой публикацией народных поэтических текстов, в том числе и свадебных, записанных в период 1974 по 1988 гг. в Алтайском крае студентами и преподавателями кафедры русской литературы Алтайского государственного университета [Щербакова, 2003, с. 295].

Большой вклад в собирание и изучение свадебного фольклора Алтайского края с 90-ых годов XX века вносит деятельность преподавателей высших учебных заведений. Начиная с 1994 года, на базе Алтайского государственного педагогического университета проходят научно-практические конференции «Этнография Алтая», благодаря которым результаты полевых фольклорно-этнографических исследований вводятся в научный оборот в виде сообщений и публикаций. На сегодняшний день издано девять сборников, в которых представлены материалы конференций за 1994, 1995, 1998, 2001, 2003, 2005, 2008, 2011 и 2015 гг. В них опубликованы исследования, посвящённые изучению свадебного фольклора Алтайского края, И.В. Сергеевой, В.И. Бодровой, М.Н. Сигаревой, Е.А. Коляскиной и др.

Следует упомянуть и о деятельности Ольги Семёновны Щербаковой – заведующей кафедрой народного хорового пения Алтайского государственного института культуры. Она занимается сбором, изучением и освоением фольклорно-этнографических и песенных традиций русского и украинского населения Алтайского края. О.С. Щербакова ежегодно принимает участие в международных и региональных научно-практических конференциях и является автором научных работ, учебных пособий, статей и докладов («Фольклорно-этнографические и песенные традиции русских Алтая», «Традиционные песни села Сибирячиха Солонешенского района Алтайского края» и мн. др.)

1.2 Фольклорные экспедиции

Алтайского государственного университета

Материалом исследования являются причитания, которые составляют часть свадебного фольклорного материала, собранного в период с 1973-2020 гг. кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета. За это время было собрано 568 фольклорных текстов, относящихся к свадебному обряду.

Первым специалистом, занимающимся преподаванием и изучением фольклора в период с 1973-1989 гг., стала Людмила Ивановна Журова. С 1990 года собиранием и обработкой фольклорного материала занималась Людмила Карловна Вальбрит, которая организовала две студенческие фольклорные экспедиции с выездом в сёла Алтайского края. Помимо выездных практик, студенты, под руководством Л.К. Вальбрит, занимались обработкой и систематизацией фольклорного материала, который был собран значительно раньше.

Десять лет, с 2010 по 2020 год, преподаванием теоретического курса «Устное народное творчество», собиранием и изучением фольклора занималась Елена Юрьевна Сафронова. В её деятельность входила ежегодная организация студенческих фольклорных экспедиций, география которых весьма разнообразна и включает в себя поселения Краснощёковского и Чарышского районов Алтайского края. В период с 2016-2017 гг. выездные фольклорные практики проходили в Чемальском районе Республики Алтай. Благодаря деятельности Е.Ю. Сафроновой студенты имели возможность познакомиться с фольклором в условиях его бытования, услышать «живое» исполнение песен, частушек, а также существенно пополнить фольклорный архив кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета с целью его дальнейшего изучения.

Помимо участия в фольклорных экспедициях, организуемых университетом, обработки материала прошлых лет, студенты занимаются

собираением фольклора в своих населённых пунктах самостоятельно, что позволяет значительно расширить географию сбора фольклорного материала.

Итак, в период с 1973 по 2020 г. всего было собрано 568 фольклорных текстов, относящихся к свадебному обряду. Все записи были сделаны во время фольклорных практик, проходивших в 25 населённых пунктах, среди которых г. Барнаул, с. Петропавловское, с. Соловьиха, с. Ребриха, с. Солонешное, с. Благовещенка, с. Преградинка, с. Новониколаевка, с. Сросты, с. Усть-Калманка, с. Пономарёво, с. Михайловка, с. Александровка, с. Глубокое, с. Завьялово, с. Ивановка, с. Быстрый Исток, с. Сетовка, с. Вяткино, с. Белоглазово, с. Красноярское и др. Перечисленные населённые пункты охватывают 16 районов Алтайского края.

В пятёрку районов, лидирующих по количеству собранного свадебного фольклорного материала, входят: Усть-Калманский район – 46 текстов, Завьяловский район – 43 текста, Солонешенский район – 39 текстов, Благовещенский район – 35 текстов, Быстроистокский район – 28 текстов.

Исследователи, несомненно, интересуются изучением свадебного фольклора Алтайского края. Научные труды, в основном, посвящены описанию общих и частных традиций свадебного обряда и объединению фольклорных текстов в сборники. Фольклорные материалы определяются в сборники по двум принципам: по месту бытования и по времени собирания текстов народного творчества.

Наименьшему вниманию исследователей подвержено описание жанров свадебной поэзии. В работах фольклористов чаще всего приводятся тексты лирических песен, сопровождающих свадебный обряд. Отдельный анализ фольклорного материала определённого жанра не приведён ни в одной из известных нам работ.

Большой вклад в собирание свадебного фольклорного материала внесла кафедра общей и прикладной филологии, литературы и русского языка Алтайского государственного университета. Тексты из фольклорного

архива университета нуждаются в дальнейшей обработке, систематизации и тщательном изучении.

Глава 2. Свадебные причитания: жанровое своеобразие

2.1 К проблеме определения границ жанра причитаний

Многие исследователи рассматривают обрядовую поэзию в качестве поэтического жанра. Данный подход обуславливает главную сложность жанрового определения причитаний. Проблема, по мнению А.А. Киселёвой, заключается в том, что жанровые границы причитаний не вмещаются в рамки известных родовых понятий [Киселёва, 1989, с. 3].

А.Н. Веселовский, например, относит причеты к синкретической поэзии и определяет их в качестве «лирико-эпических песен» [Веселовский, 1989, с. 200]. Другую точку зрения имеет В.Е. Гусев. Он говорит о том, что причитания занимают «смежное место между лирикой и драматическими формами», и ставит их в один ряд с хороводными игровыми песнями [Гусев, 1993, с. 47].

В.Я. Пропп считает, что причитания содержат черты эпической, лирической и обрядовой поэзии: «по силе эмоций, выраженных в них, они относятся к области лирики, по формам бытования – к обрядовой поэзии, а по наличию в них нарративных элементов они близки к поэзии эпической» [Пропп, 1976, с. 105]. А.А. Киселёва в своём исследовании опирается на некоторые положения работ В.Я. Проппа и определяет причитания как единый жанр лиро-эпической поэзии, «объединенный общностью социально-бытовой функции, спецификой структуры, содержания и поэтического строя, характером исполнения и музыкального оформления» [Киселёва, 1989, с. 3-4]. По мнению исследовательницы, наличие драматических элементов характерно только для причитаний, тесно связанных с обрядовым действием [Киселёва, 1989, с. 12].

Ю.Г. Круглов занимает иную точку зрения, полагая, что разделение фольклорных произведений на лирические, эпические и драматические, перенесённое из литературоведения в фольклористику, доступно только для

части фольклора, хотя и большей. Поэтому обрядовая поэзия должна иметь другую классификацию, которая бы учитывала её утилитарно-магическую направленность и иной способ изображения действительности [Круглов, 1978, с. 10-11]. Исследователь относит свадебные причитания к «словесно-музыкально-драматическим» произведениям [Круглов, 2001, с. 10]. По его мнению, в них присутствует «мелодия, хотя и слабовыраженная»; исполнение причетов богато драматическими элементами – всхлипываниями, оханьями и аханьями, эмоционально ярко окрашенными восклицательными и вопросительными интонациями, обращениями и др., что обусловлено их функцией и семантикой в свадебном обряде [Круглов, 2001, с. 11].

Среди множества различных мнений всё-таки можно выделить общие черты жанра причитаний:

1. Ярко выраженное субъективное начало: лирические и драматические элементы, упоминаемые разными исследователями, используются с целью выражения эмоционального состояния и настроения исполнителя причетов;

2. Жанровый синкретизм: причитания объединяют в себе черты нескольких жанров (лирики, эпоса, драмы и др.), различных по своему назначению, составу и формам бытования.

Причитания не имеют чёткого жанрового определения, что на практике создаёт трудности в определении принадлежности текста к тому или иному жанру.

2.2 Жанровые особенности свадебных причитаний

Жанровый состав свадебного фольклора многогранен и разнообразен. По мнению Ю.Г. Круглова, для того чтобы распределить весь фольклорный материал по жанрам важно, «во-первых, знать чей поэтический мир воплощается в произведении, во-вторых, с точки зрения кого он изображается» [Круглов, 1978, с. 14]. В связи с этим, свадебную обрядовую лирику можно разделить на свадебные причитания, свадебные приговоры и

свадебные лирические песни. В этой работе мы обратимся к жанру свадебных причитаний и подробно рассмотрим его черты и особенности.

Следует отметить, что помимо свадебных причитаний, выделяются и другие тематические группы данного жанра [Фраёнова, Зуева, URL]:

1. **Обрядовые причитания:**

- а) погребальные и поминальные,
- б) свадебные;

2. **Необрядовые причитания:**

- а) рекрутские,
- б) о людях, попавших в плен, пропавших без вести и др.

В эту группу, по нашему мнению, можно отнести и **окказиональные причитания**, т.е. созданные на случай, они выделяются авторами отдельно. Такие причитания посвящены какому-либо несчастью – пожару, голоду, болезни и др.

Таким образом, причитания сопровождают трагические моменты жизни человека: смерти, войны, болезни, стихийные бедствия. Но какова функция причитаний в свадебном обряде? По мнению Т.Г. Шарабариной, плач носил ритуальный характер. С одной стороны, негативное эмоциональное восприятие своего будущего замужества должно было как будто обмануть судьбу. Дело в том, что, покидая родительский дом, девушка уходила не только от родной семьи, а ещё и от покровителей своего рода – таинственных сил судьбы. Выказывать при этом радость было бы неблагодарностью по отношению к родителям, и навлечением на себя гнева предков-покровителей [Шарабарина, 2004, с. 29].

С другой стороны, нередко брак заключался по расчёту – по экономическим, хозяйственным нуждам. Тогда, безусловно, свадьба не могла быть счастливым событием в жизни молодых людей. Психологическое состояние невесты, просватанной за нелюбимого человека, совпадало с предписаниями ритуала, и тогда причитания звучали особенно пронзительно.

Также после заключения брака женщина, отныне проживавшая в семье мужа, чаще всего не имела возможности, иногда даже права, часто посещать отчий дом, шить или покупать новую одежду и т.д. Таким образом, покидая свою семью, девушка могла прощаться с близкими на неопределённый срок.

Помимо этого, свадебный ритуал можно рассматривать и в качестве женской инициации. С этой точки зрения обряд «перехода» от девичества к замужеству воспринимается как смерть юной девушки и её последующее перерождение уже в качестве женщины, имеющей новую социальную роль – роль жены [Гура, 2009, с. 544]. Отсюда следует и трагическое восприятие свадебного обряда.

Главным признаком жанровой структуры причитаний В.П. Аникин считает субъективный взгляд, выражаемый формой первого лица единственного числа («я»). В причитаниях участники свадьбы высказывали свои думы. «Все, о чем говорилось в причитании невесты, выражало самочувствие человека, которого кровным образом затрагивала свадьба. Если это было причитание родственников, подруг невесты, оно всегда выражало то, как они лично воспринимают свадьбу. Вследствие этого для причитания обязательна форма первого лица единственного числа» [Аникин, 1970, с. 68]:

Я в чужих людях младёшенька,

От работы замаюся,

За столбом я потихоньку

От чужих людей наплачуся.

(Бушуева А.В., 1932 г. р., с. Ключи)

В причитаниях, исполняемых невестой, изображается её душевный мир, эмоциональное состояние, и, как правило, исполняются они ею самой или от её лица. Переживания девушки, её нервное напряжение усиливали эмоциональность причетов.

Причитания могли исполняться как самой невестой, так и её матерью, сёстрами или подругами [Жекулина, Розов, 1989, с. 567]. Причитание – это всегда изливание чувств невесты или кого-нибудь из близких ей, это

непосредственное выражение личного отношения участника свадьбы к происходящему, его оценка, а если речь идет о причитании невесты, то это прежде всего вынос на людской суд ее чувства тревоги, её печали в горестный час расставания с девичеством [Аникин, 1970, с. 69]:

*<...> Кому месяц, кому ясный,
А мене всегда туман.
Кому радость и веселье,
А мене всегда печаль.
Не с кем горем поделиться,
Не с кем тучки развести <...>*
(Белоусова М.В., 1905 г.р.)

Причитания сопровождали многие этапы предсвадебного и свадебного обряда: сватовство, зарученье, косокрашение, браньё. Особенно много причитала невеста во время обряда прощания с «красотой», девичеством.

2.3 Жанровое взаимодействие причитаний и свадебных лирических песен

Свадебные причитания имеют достаточно яркие жанровые черты:

- исполнение причитаний от первого лица,
- выражение личного отношения участника свадьбы к происходящему,
- эмоциональность,
- тесная связь с этапами свадебного обряда.

Но, несмотря на это, существуют трудности в определении жанровой принадлежности того или иного фольклорного поэтического текста. Даже сейчас, когда жанровый состав свадебного фольклора в общих чертах довольно полно изучен, на практике бывает достаточно трудно различить причитания и лирические песни, которые не были закреплены за определённым этапом свадебного обряда.

Свадебные песни в зависимости от обрядового назначения подразделяются на несколько жанров: на ритуальные, заклинательные, величальные, корильные и лирические песни [Круглов, 2001, с. 12]. В центре внимания ритуальных и заклинательных песен были обрядовые действия, величальных и корильных – участники свадьбы, в лирических песнях главным стало выражение определенных обрядовых чувств и настроений [Круглов, 2001, с. 15]. Обрядовые песни исполнялись с определёнными утилитарно-магическими целями и по своим функциям ничем не отличались от свадебного обряда [Шарабарина, 2004, с. 93]. Лирические произведения же возникли как следствие обряда, их роль заключалась в изображении внутреннего мира участников свадебного ритуала («мира обрядовых чувств») и их отношения к совершившимся событиям [Круглов, 1989, с. 11]. Свадебные лирические песни и причитания сближаются по одному из главных жанрообразующих признаков каждого из них – изображению внутреннего мира человека, его чувств и настроений.

В качестве примера приведём текст, который удалось собрать участникам фольклорной экспедиции Алтайского государственного университета в ходе беседы с А.Е. Алферовой, У.И. Кримовой и Ф.М. Юрченко из с. Сросты в 1986 году:

*Рано ты, калинушка, в поле отцвела.
Рано меня матушка замуж отдала.
Не велено матушкой часто в гостях быть,
А велено матушкой с милым дружно жить.
Рассержусь на матушку, в гости не пойду.
Через 8 годиков пташкой прилечу.
Сяду я на веточку на зеленую,
Запою я песенку преунывную.
Выходила матушка рано поутру:
Ктой-то в нашем садике жалобно поет?
Ктой-то в нашем садике песенку поет?*

*Не моя ли доченька это слезы льет?
Свекор и свекровушка – темные леса,
А моя золовушка – лютая змея.*

(Алферова А.Е., 1903 г.р., Кримова У.И., 1913 г.р.,

Юрченко Ф.М., 1913 г.р., с. Сросты)

Представленный фольклорный текст имеет жанровые черты как свадебных причитаний (исполнение от первого лица, сетование на судьбу, замужество представлено как горе, страдание), так и лирических песен (форма повествования, психологический параллелизм: сопоставление двух мотивов – картина природы, притягивающая свои аналогии к картине человеческой жизни), что создаёт трудность в определении жанра. И всё-таки этот текст можно определить в качестве свадебной лирической песни, так как в нём присутствует ярко-выраженный сюжет – героиня сетует на свою судьбу и рассказывает о строгом наказе матери: *«Не велено матушкой часто в гостях быть, а велено матушкой с милым дружно жить»*. Спустя 8 лет девушка, обернувшись птицей, прилетает в сад родного дома и поёт «заунывную» песню о тяжёлой замужней жизни, неприветливости новой семьи – *«свекор и свекровушка – темные леса, а моя золовушка – лютая змея»*. Мать, услышав «жалобное» пение птицы, сразу вспоминает о родной дочери: *«Не моя ли доченька это слезы льет?»*. Наличие сюжета в большей степени характерно именно для лирической песни, в то время как главная цель причитаний – выразить чувства и эмоции участника свадебного обряда, не обрамляя их в сюжетную канву.

Отличить причитание от лирической песни часто помогает присутствие в тексте устойчивого фольклорного припева, например, «лели» («лэли», «люли», «лелю», «лелё»):

*Веря моя, верюшка, веря моя точеная,
Ой, лели-лели, ой, ли-вай-люли,
Веря моя точеная.
Не точена, золоченая.*

*Верёушка раскачалася,
Ой, лели-лели, ой, ли-вай-люли,
Верёушка раскачалася. (2 раза)
Все ворота растворилися. (2 раза)
Все бояре на двор съехались, (2 раза)
Молодые на крыльцо взошли.
Ой, лели-лели, ой, ли-вай-люли,
На крыльцо взошли.
Схороните меня, девушки,
Схороните меня, милые.
Ой, лели-лели, ой, ли-вай-люли,
Схороните меня, девушки.
Приехали разорители мои,
Разорят мою голову. <...>*

(Алферова А.Е., 1903 г.р., Кримова У.И., 1913 г.р.,
Юрченко Ф.М., 1913 г.р., с. Сросты)

Ю.М. Лотман пишет о том, что такие «припевы-выкрики» свойственны преимущественно свадебной поэзии. Писатели XVIII века воспринимали их в качестве звательных форм собственного имени, вследствие чего возникло «искусственное божество» любви под именем Лель [Лотман, 1983, с. 269]. Лель является персонажем так называемой «кабинетной мифологии». По определению В.Н. Топорова, Лель не может считаться богом в строгом смысле слова, так как «такое предположение основано на ошибках или фантазиях» [Топоров, 1996, с. 163].

Текст, приведённый выше, является лирической песней, так как содержит повторяющийся припев «*ой, лели-лели, ой, ли-вай-люли*», несвойственный свадебной обрядовой поэзии. Но по своему содержанию, эмоциональности, настроению он полностью соответствует жанру причитаний. Можно предположить, что здесь произошёл жанровый переход от причитания к лирической песне (от трагизма к лиризму). Возможно, это

свидетельствует о переосмыслении отношения к традиционной свадьбе, где обрядовое назначение поэзии постепенно редуцируется – ритуальное причитание трансформируется в лирическую композицию, сопровождающую свадебное действие, т.е. становится как бы музыкальным фоном.

Таким образом, несмотря на достаточную изученность свадебного фольклора, существуют сложности в определении границ жанра причитаний; на сегодняшний день нет единого и чёткого мнения исследователей по этому поводу. Но чаще всего в работах учёных выделяются следующие жанрообразующие черты: ярко выраженное субъективное начало (исполнение причитаний от первого лица), выражение личного отношения участника свадьбы к происходящему, эмоциональность, тесная связь с этапами свадебного обряда.

Причитания тесно взаимодействуют со свадебными лирическими песнями, так как главным признаком этих двух жанров является изображение внутреннего мира человека. Лирические песни возникли как следствие обряда, поэтому на практике бывает трудно определить жанровую принадлежность текста. Помимо этого, наблюдаются случаи трансформации жанра – от причитания к лирической песне.

Глава 3. Своеобразие свадебных причитаний Алтайского края

В свадебном фольклоре Алтайского края широко представлен жанр причитаний: четвертую часть из общего количества фольклорных текстов занимают свадебные причитания (127 из 568).

География бытования жанра весьма обширна и объединяет 19 поселений, среди которых с. Усть-Калманка – 8, с. Солонешное – 7, г. Барнаул – 6, с. Преградинка – 4, с. Пономарёво – 4, с. Белоглазово – 3, с. Быстрый Исток – 3, с. Благовещенка – 2, с. Петропавловское – 2, с. Красилово – 1, с. Ребриха – 1, с. Сросты – 1, с. Краснощёково – 1, г. Бийск – 1, с. Никольское – 1, с. Калиновка – 1, п. Соколово – 1. К сожалению, в связи с особенностями сбора фольклорного материала, известна география бытования только 49-ти причетов.

Бытование жанра причитаний в разных населённых пунктах Алтайского края свидетельствует о высокой эмоциональной насыщенности свадебного обряда. Эта особенность является характерной чертой севернорусской свадьбы, отличающейся повышенным трагичным характером. Но свадебный обряд Алтайского края не обладает высоким драматическим напряжением. Основным жанром свадьбы региона является песня лирическая и обрядовая. А все причитания в своей основе лиричны и отличаются от севернорусских: они невелики по объёму, исполняются речитативом, выражают различные настроения и чувства, в том числе благодарность, что соответствует традициям центральной и южной России [Зуева, Кирдан, 2002, с. 105].

Мы проанализируем свадебные причитания по двум критериям: кем и на каком этапе свадебного обряда они исполняются. Анализ причитаний, представленный в этой главе, выборочный. Мы обратимся к наиболее интересным, с нашей точки зрения, текстам, игнорируя похожие мотивы и образы, разные варианты одного и того же произведения и фрагментарные отрывки.

3.1 Исполнители свадебных причитаний

Причитания могли исполняться как самой невестой, так и её матерью, сёстрами или подругами. Причеты, исполняемые подругами или сёстрами, составляют восемнадцатую часть из общего количества причитаний (7 из 127), собранных в Алтайском крае. Причитая, подруги укоряли невесту за то, то она выходит замуж, и называли её «изменницей»:

*Ты, подруженька, наша Галечка,
Наша Галечка, голуба душа.
Ты изменница, ты неверница.
Ты сказала нам, что взамуж не пойдешь,
А в монастырь пойдешь,
Да нас, подружек, с собой возьмешь.
Вот теперь ты изменяешь нам,
Изменяешь да покидаешь,
Улетаешь ты да к чужим людям,
К чужой свекрови-матери,
К чужому свекру-батюшке.*

(Шафрай М.Р., 1917 г.р.)

Подруги могли сообщать невесте о том, что «*хочет твой родимый батюшка, хочет расплести твою русу косыньку*» (Кретинина Е.А., 1907 г.р.), предупреждать о том, что «*красиловские¹ ребята вороватые*» хотят её «*уловить*», «*из волюшки в неволюшку*» отвести (Телегина Е.С., 1912 г.р., с. Красилов). В причитаниях подружек свадьба изображается как переход к новому этапу жизни, где господствует горе, страдание, неволя. Подружки прощались с невестой как в последний раз:

*<...> Прощай, прощай, Галя,
Сестра наша.
Мы не твои подруженьки –
Ты не наша.*

---

¹ Упоминание топонима. Красилово – село в Косихинском районе Алтайского края.

(Сапунова М.А., 1920 г.р.),

что указывает на восприятие замужества как смерти, отправления в «мир иной». Невесту с незамужними подругами отныне будет разделять пройденный свадебный обряд-инициация, своеобразная граница, которую юным девушкам только предстоит пройти.

Достаточно редко встречаются причитания, которые исполняются родителями (матерью): их всего лишь 4. В свадебных причетах мать сравнивает дочь с «рябинушкой», у которой «*все вершинушки пообломали*». «Вершинушки» символизировали родных родителей. Выходя замуж, невеста уходила в другую семью – семью мужа, к свёкру и свекрови, которые отныне становились «новыми» отцом и матерью невесты. Употребление оксюморона «чужая родная матушка» указывает девушке, как следует относиться к новой семье; мать девушки будто бы говорит «хоть она тебе чужая, относись к ней как к родной»:

*Отпускаем-то красну девицу,
Да отпускаем твою красоту,
Да в чужую сторону,
Да к чужим людям,
Да к чужой родной матушке.
Да не плачь ты, моя доченька,
Да не плачь ты, моя милая.
Не у родной-то маменьки
Будешь жить да уливаться,
А свою родну маменьку
Не забывай никогда.*

(Нагих М.И., 1917 г.р., с. Ребриха)

В причитаниях родная мать наставляла дочь, просила подчиняться своему мужу, что свидетельствует о сохранении патриархата, а зятя просила беречь и не обижать жену:

*<...> Подчиняйся, моя доченька, мужу своему.
Ты, любимый зятюшка,
Не обижай доченьку.*

(Пономарёва А.Д., 1904 г.р., с. Пономарёво)

Широкое распространение получили причитания невесты: из 127 свадебных причетов 92 исполняются невестой. Анализ этих текстов представлен далее – в подглавах 3.2 – 3.5.

Отдельно выделяются причитания, исполняемые невестой-сиротой (5 из 127). Причитая, невеста просила благословения у своих покойных родителей. Себя невеста нередко сравнивала с «сосёнушкой», на которую слетелись все пчёлы – близкие друзья, родственники – гости свадебного торжества, но нет «пчелы-матушки/батюшки»:

*У ворот да сосёнушка,
Сосна да зеленая,
Тонкая, да высокая,
Да листом широкая.
Как на эту сосёнушку
Солеталися все пчелы,
Пчелы яровые,
Крылья золотые.
Все пчелы солеталися,
Одной пчелы нету,
Пчелиной матушки,
Одной пчелы-матушки. <...>*

(Мамонтова М.И., 1907 г.р., с. Преградинка)

В причитаниях невеста-сирота (!) нередко обращается к своему брату. Он является главным представителем и защитником интересов рода невесты. Ответственность за сестру в определенной мере возлагалась на её брата; он отвечал за девичество невесты [Гура, 2012, с. 196]. Правовые правила древней языческой поры рассматривали его как хранителя домашнего очага,

защитника семейных традиций [Аникин, 1970, с. 104]. Причитания невесты-сироты указывали на связь брата с мистическими силами (способность воскрешать мёртвых):

*<...> Уж ты, братец, уж ты брат,
Вставай-ка ранёхонько,
Умывайся белёхонько,
Утирайся белым полотенцем,
Бери золотые ключи,
Иди-ка в конюшеньку,
Выводи-ка вороного коня,
Езжай с широкого двора,
Езжай во собор-церкву
Да ударь во большой колокол.
Расступися, мать-сыра земля,
Расколися, гробовая доска,
Раскроися, бело полотенце,
Да подымись, родима матушка
(родный батюшка),
Погляди на свое чадо,
Твое чадо припечалилось.
(Сологуб В.И., 1907 г.р.)*

Брат упоминается не только в причитаниях невесты-сироты, но именно в них его роль наиболее значима, так как в случае смерти родителей на брата могут возлагаться обязанности опекуна сестры, а в свадебном обряде он иногда заменяет отца [Гура, 2012, с. 195].

Функция охраны целомудрия сестры определяет отношение брата к обрядовым символам девичества (красота, коса). Поэтому расставание невесты с девичеством происходит по воле брата и при его участии, что отражается в свадебной поэзии:

— Батюшка родимый¹,
Женихи-то у ворот!
Батюшка родимый,
Женихи-то у дверей!
Батюшка родимый
Женихи-то у стола!
— Мила моя доченька,
Теперь воля не моя –
Воля братова!

(Молодых М.П., с. Клепечиха, Пospelихинский р-н)

В причитаниях невесты-сироты звучит постоянный мотив оживления покойника, характерный для поминальных причитаний [Алексеевский, 2007, с. 229]. Мотив раскрытия могилы описывается рядом поэтических клише:

- *Расступися, мать – сыра земля;*
- *Расколися, гробовая доска (дубовая крыша);*
- *Подымись, родима матушка (родный батюшка).*

Вопленица обращается к стихиям, призывает их на помощь, просит восстать умершего из могилы. В одном случае, невеста просит лишь взглянуть на себя, не требуя контакта: «*Погляди на свое чадо, твоё чадо припечалилось, за дубовым столом сидючи*» (Мамонтова М.И., 1907 г.р., с. Преградинка). В другом, девушка просит благословения родителей:

*Прости, благослови, родима матушка
И батюшка.
Расступися, мать-сыра земля,
Расколися, дубовая крыша,
Прости и благослови меня, отец,
Иду в божий суд, божий венец получить.
(Костылев П.Н., 1912 г.р., с. Камышинка)*

---

¹ Исполняется, когда невесте расплетут косу и посадят за стол рядом с братом (прим. информанта).

С.Б. Адоньева рассматривает участие детей в похоронном обряде родителей в качестве инициации. Таким образом, «посвящение в сиротство» закрепляет за инициированным возможность обращения к миру мёртвых – ритуальному контакту с родными [Адоньева, 2004, с. 225].

Для свадебного обряда характерно покровительство и языческих, и христианских сил. Призывая на помощь силы стихий, невеста-сирота могла обращаться и к своей христианской «заступнице» – Богородице:

*Я стою на краю, вижу гибель свою.
– О, царица всех,
И владычица, и заступница!
Нет отца у меня, родной матери,
По чужим по углам, по чужим углам
Я скитаюсь
И чужой крошкой
Я питаюсь.
Кто жалел меня,
Тот в сырой земле.
Нет пристанища у меня,
Куда главы склонить.
Я печально пою
Божьей матери:
«Ты не брось меня
На чужой стороне».*

(Березикова М.Б., 1920 г.р.)

Причитания сопровождали многие этапы предсвадебного и свадебного обряда. Они передавали чувства невесты перед разлукой с родной семьей. Сохраняя общую «слёзную» тональность, обряды разнообразились драматическими диалогами, которые происходили между невестой и родителями, невестой и подружками: их общее количество составляет 18 причитаний. Наличие таких текстов свидетельствует о некой театральности

свадебного обряда Алтайского края. Свадьбу в качестве театрального представления рассматривала Кулаковская в работе «За народной мудростью»: «Свадьба! Самое яркое и впечатляющее из всех народных «игрищ»! Гигантский спектакль <...> Драматургия его многоактна; действие длится несколько дней. И всё – как в подлинной пьесе» [Кулаковская, 1975, с. 108].

Такие причитания имеют незамысловатую структуру и представлены в форме «вопрос-ответ». Невесте, как правило, задают вопрос, затем девушка, причитая, отвечает на него:

— *Уж ты ласточка, ты касатенькая,
Уж ты ласточка, ты крылатенькая,
Ты зачем так рано вылётываешь
Со своего с тёпла гнёздышка?*
— *Я бы рада бы, не вылётывала.
Налетели тут тучи грозные,
Разлучили меня с отцом, с матерью,
С отцом, с матерью, с братом, с сестрами.*

(Машкунова А.А., 1915 г.р., с. Дальнее Рубцовского р-на, 1986 г.)

Это причитание является распространённым в Алтайском крае – 14 вариантов из общего количества (18) причитаний в форме диалога. Тексты могут различаться, но имеют одну композицию и общие мотивы: обращение к невесте «ласточка», вопрос «ты зачем рано вылетывала из своего гнёздышка?», сообщение невесты о том, что «накатилась туча грозная» и «подмочила тёплое гнёздышко». В некоторых причитаниях психологические параллели с миром природы (туча, гнездо) опускаются; вещи называются своими именами – «ласточка» не «вылётывает из гнёздышка», а выходит замуж:

– *Уж ты ласточка, уж касаточка,
Ты голубушка сизая,
Да ты Аксинья Дмитриевна!*

*Ты чому¹ рано замуж пошла?
– Я бы рада замуж не пойти,
Да батюшка силой отдает,
Родима матушка неволею отдает,
Родимы братики да с охотою,
Родимы сестрицы да с горячими слезами.*
(Пономарева А.Д., 1904 г.р., с. Пономарёво)

Приём психологического параллелизма является самым частым в народной поэзии. Многократно повторённые в текстах сопоставления образов (девушка – лебедь, рябина, яблоня, берёзка; парень – сокол и т.п.) сделали такие параллели привычными, закрепили их в сознании певцов и слушателей и в итоге превратили в символ [Колпакова, 1977, с. 51].

3.2 Просватанье и рукобитье

Цикл обрядовых песнопений открывали причитания невесты, которые начинали звучать сразу после просватанья, когда сваты, получив согласие, уходили домой. На этом этапе не было текстов, строго прикрепленных к конкретным обрядовым ритуалам, поэтому часто исполнялись песни, обязательные на **рукобитье, прощание с красотой** и др. [Потанина, 2002, с. 56]. Причитания будут звучать на протяжении всего времени, пока девка «в невестах сидит», до самого бранья.

Этапу рукобитья посвящено 11 причитаний, собранных в Алтайском крае. Их, как правило, исполняла невеста. В своих плачах она нередко обращалась к своей семье:

*Ой, ты, родимая моя матушка,
Ой ты, родимый мой батюшка!
Ой вы, братцы мои, ясны соколы,
Ой вы, сестрицы мои, белы лебедушки.
Ой, зачем, зачем вы приветили,*

---

¹ Чому (укр.) – почему

Ой, зачем, зачем вы да встретили?

Злого барина, злого ворона.

Ой, зачем, зачем меня высватали

Вы ему на веки вечные?

(Круглова Л.П., 1904 г.р., с. Камышинка)

В представленном тексте возникают традиционные для устного народного творчества природные образы. Невеста, обращаясь к сёстрам (подругам) и братьям, называет их «ясными соколами» и «белыми лебёдушками». По мнению исследователей, в славянском фольклоре образы диких птиц – лебедя, сокола, утки и селезня – служат символами молодёжи добрачного периода [Шарабарина, 2003, с. 105]. Такая форма часто может использоваться в качестве «приветственных обращений молодежи друг к другу во время совместных собраний и гуляний» [Бернштам, 1982, с. 26].

В причете жених противопоставлен родным невесты и предстаёт в образе «злого ворона». Ворон в народных представлениях – нечистая и зловещая птица, связанная с мистикой и колдовством. Считается, что чёрный цвет птицы указывает на её происхождение – создание дьяволом. Нередко, души злых людей представляют в виде ворона, что особенно подчёркивается эпитетом «злой» в этом причитании [Гура, 2002, с. 90-91].

Основным мотивом причитаний этапов сватовства и рукобитья является сетование на родительскую волю. Как мы упоминали ранее, браки могли заключаться по экономическим выгодам, поэтому в причитаниях невесты нередко звучит тема несчастливой любви. В тексте, собранном в 1973 году в с. Ключи Ключевского района, девушка обращается к своему возлюбленному:

Ой, горит моя головушка,

Моя бедная.

*Что я **наробила**¹, что я наробила?*

Ой, головушка моя наробила.

---

¹ Наробити (укр.) – наделать, натворить.

*Ой, которого я навек полюбила,
Тот стоит за дверьми:
Милая моя, выйди ты сюда,
Погутарим¹ мы с тобой.
Милый мой, забудай² прежни разговоры,
Теперь воля не моя,
Теперь воля батюшки и матушки.*

(Горлина А.И., 1903 г.р.)

Композиция причитания отражает смешанные мысли и чувства невесты. В самом начале текста девушка причитает: «что я наробила?», будто указывая на собственный выбор, своё личное решение выйти замуж. С другой стороны, речь может идти о чувствах девушки, где фраза «что я наделала?» тождественна мысли «зачем я полюбила того, с кем мне не суждено быть?». Использование лексического повтора усиливает эмоциональность текста, подчёркивая страдания невесты. Возлюбленный, добивающейся встречи от девушки, стоит за дверью, т.е. за границей, разделяющей «старую» и «новую» жизнь невесты после свершения рукобитья: «Милый мой, забудай прежни разговоры, теперь воля не моя, теперь воля батюшки и матушки». В самых последних строках невеста говорит о том, что она безвольна, её жизнь и судьба принадлежит власти родителей.

Интересно, что в причитании наблюдается смешение двух славянских языков: русского и украинского. Основной текст, в который вплелись несколько украинских слов («наробила», «погутарим», «забудай»), представлен на русском языке. Это свидетельствует о тесном взаимодействии двух культур на одной территории, обусловленном особенностями заселения региона и его национальным составом (см. главу 1.1).

---

¹ Погугорити (укр.) – поговорить

² Забувати (укр.) – забывать

Причитая, невеста часто говорит о том, что ещё слишком молода, и выражает желание ещё пожить «вольной жизнью»:

*Ах ты, матушка моя родимая,
Пожалей ты меня прежней жалостью.
Уж как мне, молоденькой,
Идти замуж больно не хочется.
Не походила я, не погуляла я
По праздникам да по ярмаркам!
И почто вы, мои родители,
Меня, молоденьку, чужим отдаете!*

(Скворцова Ф. И., 1903 г.р., с. Солонешное,
год сбора: 1983)

В некоторых причитаниях возникает образ старого мужа, противопоставленного молодой невесте, как, например, в тексте, рассказанном А.Л. Росщепкиной в 1977 году:

*В кого я уродилась хороша
И кому я достанусь молода?
Досталась я стару старику,
Стар не пустит на улицу гулять,
А хоть пустит, то пригрустит.
Сам за мною вслед идет.
Зальюсь я горючею слезою,
Не могу я оглянуться на седого дурака.*

(Росщепкина А.Л., 1892 г.р., с. Соловьиха,
год сбора: 1977)

Как мы отмечали ранее, основным мотивом причитаний невесты в этот период становится сетование на родительскую волю: девушка последовательно обращается к отцу, матери, братьям, сёстрам, как правило, задавая один вопрос: «*Ох, тятя, ты тятя, ты зачем меня замуж отдал за рябого, за косого, за нелюбого?*» (Белкина В.Ф., 1925 г.р., с. Солонешное,

1983 г.). В связи с этим интересен причет, рассказанный А.Я. Бутановой в 2007 году. Невеста не винит своих родных в свершении сговора, она корит «участь горькую». Приведём его фрагмент:

*Не пеняю я, молоденька,
Ни на батюшку, ни на матушку,
Ни на братца, на ясного сокола,
Ни на сестрицу, лебедь белую.
Что пеняю я, младенька,
На свою ли участь горькую,
На свои ли очи ясные.*
(Бутанова А.Я., 1938 г.р.)

3.3 Девичник

Девичником информанты¹ обычно называют неделю перед свадьбой, реже – день перед венчанием:

«Ну, а перед самым днём свадьбы девичник собирается. Это значит, садятся за стол, поиграют, потом песни поют, на невесту красну красоту надевают и все поют. Потом ложатся отдыхать» (Акимочкина М.К., 1908 г.р., место сбора не указано);

«В последний день перед свадьбой был девичник. Лошади уряженные – любо посмотреть. Невеста разукрашена, вся пышет» (Свалова Е.К., 1922 г.р., место сбора – с. Красноярка, Поспелихинский р-н, 1986).

Всю неделю, в свободное от ритуалов время, невеста вместе с подругами занимается подготовкой приданого; девушки шьют и вышивают одежду, полотенца, скатерти и др., а во время работы поют песни. Поэтому этот этап свадебного обряда насыщен лирической и обрядовой поэзией.

---

¹ Чуденко Е.Я., 1917 г.р., место сбора – с. Высяково;
Андрианова О.К., 1925 г.р., место сбора – с. Михайловка, 1981;
Старцева М.М., 1899 г.р., место сбора – с. Солонешное, Солонешенский р-н, 1983;
Семченко М.Н., 1897 г.р., место сбора – с. Солонешное, Солонешенский р-н;
Локтева М.Н., 1901 г.р., место сбора – с. Налобиха, Косихинский р-н, 1975

Во время девичника совершается ряд важных, ключевых в традиционной свадьбе ритуалов, большинство которых приходится на последний день и вечер перед венчанием: **заплетание (косокрашенье)** и **расплетание косы, прощание с красотой**, символизирующей девичью волю, **баня**. По замечанию Р.П. Потаниной, носители свадебного фольклора во многом забыли первоначальный смысл самого обряда, но хорошо помнят, что девичник – ритуал последнего прощания невесты с незамужними подругами и со своей вольной жизнью, когда с неё снимали девичий головной убор. В этом отношении этот этап обряда является узловым моментом русской свадьбы в Сибири [Потанина, 2002, с. 72-73].

В традиционном свадебном обряде большое внимание уделялось символическим действиям над волосами невесты. На девичнике невесте в последний раз заплетали косу (символ красоты и непорочности), украшая её цветами, лентами, отсюда и возникает название обряда – косокрашенье («красить косу»). Косокрашенью посвящено 3 причитания – 3 варианта одного текста:

*Раструбилась трубонька рано по заре,
Расплакалась девушка по русской косе:
Сегодня мою косоньку подружки плетут,
А завтра мою косоньку сваха расплетет.
Разделят мою косоньку на две косы,
Обверят мою косоньку вокруг головы,
Наденут на мою головушку бабью красу.
Красуйся, подруженька, отныне до веку.*

(Жажкова Т.П., 1926 г.р.)

Здесь представлен мотив ритуального плача, который сопровождает обрядовое действие смены причёски – из девичьей в бабью, когда вместо одной косы заплетаются две, укладываются вокруг головы и покрываются женским головным убором – кичкой. Выражение «бабья краса» в данном случае приобретает негативную коннотацию в связи с актуализацией в

начале текста плача невесты («*расплакалась девушка по русой косе*»). В причитании упоминается будущий обряд расплетания косы и окучивание, таким образом, обрядовое слово как бы прогнозирует обрядовое действие.

Перед баней коса распускалась – ритуал начинался снятием с головы невесты красоты. Затем каждый из приглашённых к действию, едва касаясь косы, расплетал одну прядь и подносил невесте подарок «*на косу*». Расплетать не торопились: нужно, чтобы всем осталась «*работа*» [Потанина, 2002, с. 120]. Обряду расплетания косы посвящено большинство причитаний, бытовавших в Алтайском крае: 43 из 127. Это прежде всего говорит о широкой распространённости обряда.

Вся прежняя жизнь невесты навсегда оставалась в прошлом. В своем причитании она так и говорила:

*Поля ли мои, поля чистые,
Лужки мои зеленые,
Травушки шелковые,
Цветики мои лазоревые!
Любила я по вам гулять,
Я по вам гулять, красоватися,
Своей путевою косой выхвалятися.
Уж одна была у меня коса,
Да две волюшки,
Две волюшки, ой, обе вольные.
Хоть две у меня будут косы,
Да одна волюшка,
Одна волюшка, и та невольная.*

(Липж Н.А., 1940 г.р.)

Причитая, невеста прощается с девичьей волей, которая воплощается в образе зелёных полей, лугов, по которым любила гулять, «*красоватися*», «*косой выхвалятися*». Невеста во время свадебного обряда находится в пограничном состоянии; она не принадлежит ни этому, ни иному миру

[Геннеп, 1999, с. 109-110]. По мнению Ямагучи, в этот период девушка стремится обрести новый постоянный статус, поэтому ей нельзя возвращаться в родной дом. В это время она посещает места и предметы своей девичьей жизни и прощается с ними [Ямагучи, 2004, с. 212].

Далее в причитании упоминается «одна коса, да две волюшки» — одну косу носили только незамужние девушки, «две волюшки» — скорее всего, упоминание родителей — матери и отца, так как подобное сравнение встречаем и в других причетах:

Потеряла я три волюшки.

Перву волюшку — батюшку,

Втору волюшку — матушку,

Третью волюшку — девичью жизнь.

(Аримпикова А.К., 1899 г.р., с. Ребриха)

Дальше появляются «две косы» и «одна волюшка, и та невольная». Две косы заплетали невесте сразу же после венца — во время обряда окручивания (две косы «окручивали» вокруг головы девушки). Если проводить аналогию, то под «одной волюшкой», скорее всего, подразумевается муж. «Волюшка невольная» потому, что женщина отныне полностью подчинялась воле мужа.

Большинство причитаний, посвящённых обряду расплетания косы, обращено к родным невесты: родителям, брату, реже — сестре. Обращаясь к близким, невеста последовательно упрашивает родителей, чтобы они расплели её косу:

Ой, да ты родимый мой тятенька,

Подойди ко мне поближе,

Расплети мне русую косу.

Ой, да ты родимая моя маменька,

Подойди ко мне поближе,

Расплети мне русу косу.

Ой, да ты родимой мой братушка,

Подойди ко мне поближе,

Расплети мне русу косу,

Русую косу в последний разочек.

(Ушакова Е.И., 1905 г.р., г. Бийск)

В некоторых поселениях (с. Усть-Калманка Усть-Калманского р-на, с. Петропавловское Петропавловского р-на, с. Благовещенка Благовещенского р-на), судя по причитаниям, в обряде расплетания косы могли принимать родные жениха, которых невеста называет «разорителями», которые погубили её «головушку». В этом случае косу не просто «расплетают», а беспощадно «рвут», т.е. появляется лексика с негативной окраской:

Налетели свашеньки немилостивые,

Начали мою косу рвать и метать,

Начали мою русую надвое делить.

(Клюева А.И., 1904 г.р., с. Усть-Калманка)

Среди причитаний встретилось упоминание редкого обычая, выпавшего из свадьбы в Сибири к середине 20 века. Единичные записи фрагментов были сделаны в Западной Сибири [Потанина, 2002, с. 209]. Речь идёт о посаде: невесту «обряжали» к венцу и сажали на возвышенное место на шубу, вывернутую мехом вверх:

Ой, глянь, мати, да на мой посад.

Уж дружки да в косах сидят,

А на мою-то роса упала,

Чтоб я ее расчесала.

Папа с мачки той по волосине,

Як в поле той по колосине.

(Головина Е.П., 1907 г.р.)

Одним из главных в свадебных причетах невесты был образ «красной красоты» – символ девичьей свободы, воли, непорочности. Красота – это головной девичий убор, широкая лента, украшенная бисером. Такую ленту могла носить только незамужняя девушка. Образ красоты встречается в 14

причитаниях, 6 из которых относятся к разным обрядам (расплетание, баня, поезд).

В причитаниях, посвящённых прощанию с красотой, невеста часто обращалась к своим подругам с просьбой отыскать в лесу её красоту, которая «сидит под кустиком» и «чешет русые волосики», «плетёт косыньку», «вплетаёт алу ленточку» или «плачет», «слёзы льёт»:

*Ой, да вы мои подруженьки,
Не пойдете ль в лес по ягоды,
Да не увидите ли под кустечком,
Да не найдете ли мою красну красоту.
Да не чешет ли она русые волосики,
Да не плетет ли косыньку,
Да не вплетаёт ли она алу ленточку?*

(Колпакова Л.Д., 1903г.р., с. Ребриха)

Среди фольклорного материала встречается описание весьма интересного обряда:

Поют невесте-сироте перед венцом. Невеста плачет. На столе ёлка, за которую садят невесту. Елку украшают лентами и свечами.

*Ой, ты, ёлушка,
Ой, да сосёнушка.
Все ли у тебя сучки-веточки?
Все у меня сучки-веточки,
Ой, лёли, сучки-веточки,
Только нет у меня одной макушечки,
Одной макушечки.
Девушка Аннушка,
Все ли у тебя гости собраны?
Все у меня гости собраны,
Только нет у меня родного батюшки
(Родной матушки).*

(Карманова А.Г., 1907 г.р.)

По утверждению В.П. Аникина, символика елового дерева недостаточно разъяснена. Возможно, она связана с каким-то языческим обычаем. Существует даже поговорка, порицающая свадебный обряд: «Венчали вокруг ели, а черти пели» [Аникин, 1970, с. 97]. А.К. Байбурин считает, что выбор ёлки в качестве «основы для символического предмета» неслучаен. Ёлка с лентой может восприниматься как знаковый комплекс, допускающий самые истолкования: от самых простых («невеста с красотой») до более сложных мифопоэтических образов (например, отождествление дерева и человека). Кроме того, ёлочка могла ассоциироваться и с плетением косы, так как термины «ёлочка», «ёлочкой» используются для обозначения всего косоного [Байбурин, 1993, с. 69]. Образ сосны/ёлки традиционен для некоторых местностей России (*преимущественно для западных и южных губерний*, и, видимо, пришёл в Алтайский край именно оттуда), где вместо обряда прощания с «красной красотой» на девичнике ставили на стол ёлку со свечами, обвешанную лентами, украшенную шёлком. Наряженное деревце символизировало девью красоту.

Деревце без «макушечки» – один из самых распространенных символов сиротства. Приём психологического параллелизма раскрывает особое положение невесты-сироты через образы природы. «Ущербное» состояние деревьев – сломанная верхушка – ассоциируется с отсутствием у невесты родителей [Теплова, 2017, с. 101].

После прощания с красотой невеста готовилась к следующему ритуальному действию – банному омовению. Баня является одним из последних эпизодов свадебной обрядности в доме невесты. Начиная с конца XIX века, а особенно в первой трети XX века, обряд становился всё менее обязательным в русской сибирской свадьбе [Потанина, 2002, с. 143]. Бане посвящено всего лишь 4 причитания. Они не отражают самого обряда; в причитаниях, собранных в Алтайском крае, невеста либо просила «*отворить*

дверюшки во парну банюшку», либо приглашала участников обряда (обычно это мать или подруги) к совершению ритуального действия:

*Измой мене, маменька, головоньку
Хоть в последнюю субботоньку.
Бабой буду я немытая,
Белых рученок не ломавшая.
Заплетала меня дядина тетка
Да и не плакала,
А матынька подивилася
Да слезоньками умылася.
(Стрельцова А.В., 1909 г.р.)*

3.4 Утро перед венцом

Утро дня венчания начиналось с причитаний. Причитаниями мать будила дочь:

*Ты вставай, родима доченька,
Что пропели-то вторые кукареки,
Что идешь ты к родимой свекровушке,
Что ко свекровушке-то матушке. <...>
(Лисицына М.Е., 1910 г.р.)*

Интересно, что в причитании матери невеста «уходит» не к мужу, создавая свою семью, а к «новой» матушке – свекрови, т.е. заменяя семью. Далее возникает яркий контраст прежней и будущей жизни:

*<...> Не родима тебе матушка,
Обзовет она тебя, облает,
И сердучушко у нее не закипит.
<...> Ты послушай, родна доченька,
Как я тебя хранила
И водила тебя чисто.*

Если родная мать *«уливается горячими слезами», «хранит родну доченьку»*, то поведение свекрови описывается при помощи слов с животной семантикой – *«обзовет она тебя, облает»*. Слезы матери, как появление чувств и эмоций, свойственных только человеку, противопоставляются бездушному животному лаю свекрови.

Невеста могла причитать и ночью накануне дня свадьбы: когда отец с матерью спят, девушка становится в голову к ним (т.е. к изголовью) и поёт-причитает о том, что не спится ей, *«во головушке подушка вертится»* (Камышева П.М., 1899 г.р.). Спокойный сон родителей невеста противопоставляет своей бессоннице и ночным переживаниям.

В причитаниях невеста просит подружек *«собрать, как невесту, к венцу»* (Четырина М.И., 1918 г.р.) или делится своими страхами и переживаниями:

*Там свекруха норовиста,
Она мене все норовит сказать.
Есть хочу, а сердечко вянет,
Хлеба режу, а она косо глянет.*
(Бубенцова А.Н., 1906 г.р.)

3.5 Свадебный поезд

Ожиданию и встрече жениха с тысяцким и дружками – так называемому «поезду» – посвящено 19 причитаний. Раскачанная веревя является одним из основных образов причитаний, относящихся к этому свадебному этапу:

*Верея моя, вереюшка,
Верея моя точеная,
Точеная, золоченая.
Раскачались вереюшки,
Растворилися воротушки
На четыре сторонушки.*

*Наехали разорители,
Разорители-погубители.
Сгубили мою голову.
Выдавать замуж смолоду
На чужую дальнюю сторонушку.*
(Шипулина Е.И., 1921 г.р.)

Вереей называется столб, на который навешивается створка ворот [Аванесов, 1988, URL]. В причитании упоминание верей – обычного бытового предмета – сопровождается эпитетами «точёная», «золочёная», таким образом бытовое приобретает черты драгоценного. Образ ворот является символической защитной границей, отделяющей пространство двора и дома от внешнего мира. Раскачанная «верейушка» как бы нарушает защитную функцию и способствует проникновению в личное пространство чужих людей – «разорителей-погубителей», принесших с собой беду.

Звуки и вид приближающегося «поезда» заставляли невесту страдать; она обращалась к брату-защитнику с просьбой воспользоваться всей своей властью и связями с покровительствовавшими дому стихиями и преградить жениху и дружкам все пути, т.е. создать дополнительную защитную границу, оберегающую семью невесты от прихода «разлучников»:

*Родимый ты мой братец!
Съезди ты во чисто поле далеко,
Завали пути-дороженьки разлучникам.
Разлучают меня с родными
Маменькой, папенькой,
С родными сестрой, братцем,
Со всем родным племенем!*

(Еремеева М.Л., 1905 г.р., с. Усть-Калманка)

Но все усилия были тщетны – свадебный поезд увозил невесту в церковь. Единственное, что оставалось делать девушке, – просить благословения родителей и умолять «повозников» «понужать коней

поскорее», чтобы «ухи не слышали» и «глаза не видали» плач и слёзы родных людей:

*Повозники молодья-я,
Ей-ой-ей, у них кони вороныя,
Да у них кони вороныя.
У них плетки шалковые,
Ей-ой-ей, у них плетки шалковые,
Понужайте паскаре-ее,
Ей-ой-ей, да паскаре-ее,
Да чтобы мо-о-и ухи не слышали-и-и,
Да глаза м-о-и не-е вида-а-ли.*

(Большакова А.Н., 1908 г.р., Кузнецова М.А., 1912 г.р.,

Кузнецова Д.Ф., 1909 г.р., с. Михайловка, Усть-Калманский р-н)

Этот этап является завершающим в ритуальном плаче невесты. Отныне на свадьбе звучали обрядовые и лирические песни с положительной семантикой.

Итак, причеты являются важной частью свадебного фольклора Алтайского края, т.к. занимают четвертую часть от общего количества собранного материала, а именно 127 из 568.

Причитания могли исполняться как самой невестой (92), так и её матерью (4), сёстрами или подругами (7). В причитаниях, исполняемых подругами, можно выделить следующие темы: укор, предостережение, прощание с невестой. Мать, исполняя причитания, прощалась с дочерью и давала ей наставления: любить мужа и подчиняться ему, а зятю – беречь и не обижать жену.

Важным образом является деревце без «вершинушек», символизирующее невесту без родных. В основном этот образ встречается в причитаниях невесты-сироты (5). Невеста-сирота просила благословения у своих покойных родителей, себя она могла сравнивать с деревом, на которое слетелись все пчёлы – (гости свадебного торжества), но нет «пчелы-

матушки/ бабушки». Главный мотив свадебных причитаний, сближающий их с поминальными, – мотив раскрытия могилы и оживления покойника, так как участие сирот в похоронном обряде может рассматриваться в качестве инициации, дающей право на связь с миром мёртвых. В причитаниях невеста-сирота обращается, с одной стороны, к христианской заступнице – Богородице, с другой, к языческому покровителю – родному брату, который носил функцию защитника рода семьи и имел связь с мистическими силами, покровительствовавшими дому.

Наиболее широко представлены свадебные причитания в форме монолога, реже – диалога (19). Наличие таких текстов свидетельствует о наличии черт «театральности» свадебного обряда Алтайского края.

Большинство свадебных причитаний, собранных в Алтайском крае, исполняются невестой и посвящены обряду расплетания косы и прощания с красотой, девичеством, что позволяет сделать вывод о том, что невеста, в основном, причитала во время девичника.

Причитая, невеста могла обращаться к участникам свадебного обряда с различными просьбами: родителей просила благословить или расплести девичью косу, подруг – разыскать одинокую красоту и не спешить с замужеством, брата – защитить её от «разлучников»; или оплакивать свою прежнюю девичью свободную жизнь, причём тема погубленной воли становится одной из ведущих.

Основным художественным приёмом причитаний является психологический параллелизм, т.е. сопоставление двух образов – одного в буквальном, другого в иносказательном значении. Чаще всего используются аналогии с природой: невеста предстаёт в виде дерева (берёзы, рябины, сосны), птицы (ласточка, лебедя), её дом – тёплое гнёздышко, девичья воля воплощается в образе зелёных полей и цветущих лугов.

Использование лексических повторов усиливает эмоциональность текста, подчёркивая страдания исполнителя. Частым приёмом причитаний является противопоставление прежней и новой жизни, семьи невесты и

жениха. При изображении будущего мужа и его родных используется лексика с негативной коннотацией: жених предстаёт в образе злого ворона, свекровь «лает» и беспощадно «рвёт косу».

С пониманием свадебного обряда как инициации связано особое отношение к невесте; прощание родных с девушкой и оплакивание своей девичьей жизни содержат лейтмотивы смерти.

Частым мотивом причитаний является буквальное и символическое пересечение границы. Границы, выраженные в образе ворот или заваленных дорог, призваны защищать пространство невесты от приезда жениха и его семьи. Но символ раскачанной веревки свидетельствует о нерушимости сговора между двумя родами.

Заключение

В свадебном фольклоре Алтайского края широко представлен жанр причитаний. Несмотря на насыщенность причитаниями, свадебный обряд Алтайского края не обладает высоким драматическим напряжением, так как все тексты в своей основе лиричны и отличаются от севернорусских: они невелики по объёму, исполняются речитативом, выражают различные настроения и чувства, в том числе благодарность, что соответствует традициям центральной и южной России.

В данной работе мы выделили их основные жанровые особенности: исполнение причитаний от первого лица, выражение личного отношения участника свадьбы к происходящему, эмоциональность, тесная связь с этапами свадебного обряда.

Причитания чаще всего исполнялись невестой, реже матерью и подругами или сёстрами. Тематика причетов обусловлена этапом свадебного обряда, на котором они исполняются. Если это сватовство, то главной темой причитаний становилось сетование на волю родителей. Во время девичника особое внимание уделялось волнениям невесты, оплакиванию девичьей жизни, прощанию с красотой и расставанию с родным домом. Большинство причитаний Алтайского края посвящены обряду расплетения косы невесты, что свидетельствует о широкой распространённости ритуала.

В целом, причитания Алтайского не отличаются трагизмом; они чаще выражают различного рода просьбы, благодарности, наставления.

Образы и символика причитаний традиционны. Выделение основных тем, мотивов, художественных особенностей позволяют провести дальнейший сопоставительный анализ причитаний Алтайского края с текстами других районов России, уже выделяя их региональную специфику. Но даже на начальном этапе работы, в ходе анализа нам удалось выделить несколько особенностей: наличие языкового смешения, обусловленного национальным составом региона, присутствие в тексте местных топонимов, тесное взаимодействие причитаний и лирической песни, приведшее к

переходу из одного жанра в другой. Тщательное исследование причитаний позволило подробно изучить особенности свадебного обряда в Алтайском крае и обнаружить упоминание в двух текстах древнего ритуала, выпавшего из свадьбы Сибири к середине 20 века, – посада.

Библиографический список

1. Абрамова О.А. Свадьба села Сибирячиха Солонешенского района Алтайского края // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы конф. – Барнаул, 2001. – С. 189-199.
2. Адоньева С.Б. Прагматика фольклора. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та; ЗАО ТИД «Амфора», 2004. – 312 с.
3. Алексеевский М.Д. Мотив оживления покойника в севернорусских поминальных причитаниях: текст и обрядовый контекст // Антропологический форум. – СПб., 2007. – С. 227-263.
4. Аникин В.П. Устное народное творчество: учеб. для высш. проф. образования. – М.: Академия, 2011. – 752 с.
5. Аникин В.П. Календарная и свадебная поэзия. – М.: Изд-во Московского университета, 1970. – 122 с.
6. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
7. Бернштам Т.А. Обряд «расставание с красотой» (К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде) // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. – Л., 1982. – С. 43-66.
8. Бернштам Т.А. Орнитоморфная символика у Восточных славян // Советская этнография. – 1982. – №1. – С. 22-34.
9. Бодрова В.И. Традиционная свадьба староверов-«поляков» на Алтае // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы конф. – Барнаул, 1994. – С. 89-96.
10. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – 408 с.
11. Геннеп А. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / Пер. с франц. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 198 с.

12. Гуляев С.И. Этнографические очерки Южной Сибири. Свадебные обряды // Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 4. Юность и любовь. Свадьба. – М.: Худож. лит., 2001. – С. 114-171.
13. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. – М.: Индрик, 2012. – 936 с.
14. Гура А.В. Ворон // Славянская мифология: энциклопедический словарь. – М.: Междунар. отношения, 2002. – 512 с.
15. Гура А.В. Свадебный обряд // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого; Институт славяноведения РАН. – М.: Межд. отношения, 2009. – Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито). – С. 544-547.
16. Гусев В.Е. Русская народная художественная культура (теоретические очерки). – СПб.: СПбГИТМИК, 1993. – 110 с.
17. Долгая жизнь слова / Сост., авт. предисл. и вступ. ст. к разделам Л.И. Журова. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1990. – 346 с.
18. Еремина В.И. Ритуал и фольклор. – Л.: Наука, 1991. – 206 с.
19. Зорин Н.В. Русский свадебный ритуал. – М., 2004. – 248 с.
20. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 400 с.
21. Киселёва А.А. Народная причеть как поэтический жанр // Русская литература. – 1989. – №2. – С. 3-21.
22. Колпакова Н.П. Люди и песни. – Л.: Наука, 1977. – 135 с.
23. Коляскина Е.А. «Красный угол/бабья куть»: гендерная семантика пространства у русских старожилов и переселенцев Алтая во второй половине XIX - первой половине XX века // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы конф. – Барнаул, 2015. – С. 111-118.

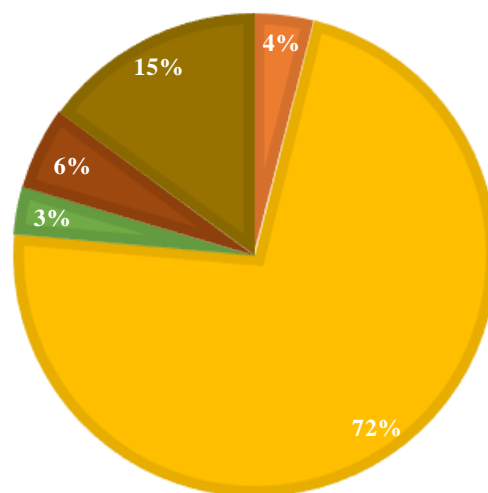
24. Круглов Ю.Г. Мудрость и поэзия народной свадьбы // Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 4. Юность и любовь. Свадьба. – М.: Худож. лит., 2001. – С. 5-18.
25. Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни. – М.: Высшая школа, 1989. – 320 с.
26. Круглов Ю.Г. Русские свадебные песни. – М.: Высшая школа, 1978. – 215 с.
27. Кулаковская Н.Н. За народной мудростью: рассказы о русском фольклоре / Н. Кулаковская, Л. Кулаковский. – М.: Сов. композитор, 1975. – 176 с.
28. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. – Л.: Просвещение, 1983. – 416 с.
29. Махова Л.П. Песни и обряды Алтайского горного округа из собрания С. И. Гуляева // Opera musicologica. – 2020. – Т. 12. – № 1. – С. 70–100.
30. Обрядовая поэзия / Сост., предисл., примеч., подгот. тестов В.И. Жекулиной, А.Н. Розова. – М.: Современник, 1989. – 735 с.
31. Паньшина Н.Г. Традиционная русская свадьба старожилов села Белого Троицкого района Алтайского края // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы конф. – Барнаул, 1998. – С. 136-154.
32. Пешняк В.Г. Русские народные песни Алтайского края. – Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1980. – 88 с.
33. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. – М.: Наука, 1976. – 325 с.
34. Русская свадебная поэзия Сибири / Сост., вступ. ст. и примеч. Р.П. Потаниной. – Новосибирск: Наука, 1984. – 262 с.
35. Русские свадебные песни Сибири / Сост., вступ. ст., с. 3-18, и примеч. Р.П. Потаниной. – Новосибирск: Наука, 1979. – 334 с.
36. Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: свадебная поэзия. Похоронная причеть / Сост., подгот. текстов,

- примеч., указ. Р.П. Потаниной, Н.В. Леонова, Л.Е. Фетисова. – Новосибирск: Наука, 2002. – 551 с.
37. Русско-украинский словарь / под ред. Жайворонка В.В. – Киев: Арбис, 2003. – 1424 с.
38. Сергеева И.В. Традиции свадебного обряда на Алтае // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы конф. – Барнаул, 1994. – с. 84-89.
39. Сигарева М.Н. Обряд повивания невесты как семантический комплекс (на материале традиционной свадьбы села Камышенка Петропавловского района) // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы конф. – Барнаул, 2005. – с. 130-132.
40. Теплова А.С. О феномене сиротства в русском фольклоре на примере свадебных песен и причитаний // Научный вестник Московской консерватории. – 2017. – № 3 (30). – С. 94-115.
41. Топоров В.Н. Боги древних славян // Очерки истории культуры славян. – М.: Индрик, 1996. – С. 160-175.
42. Шарабарина Т.Г. Русские свадебные традиции на Рудном Алтае (конец XIX-середина XX вв.). – Усть-Каменогорск, 2004. – 250 стр.
43. Щербакова О.С. Русский фольклор Алтая: история собирания и изучения // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы конф. – Барнаул, 2003. – С. 291-297.
44. Щербакова О.С. Традиционные песни села Сибирячиха Солонешенского района Алтайского края: учебно-методическое пособие для студентов. – Барнаул: АГАКИ, 2011. – 121 с.
45. Щербакова О.С. Фольклорно-этнографические и песенные традиции русских Алтая: учеб. пособие для студентов. – Барнаул: АлтГАКИ, 2005. – 184 с.
46. Ямагучи Р. Трансформация статуса невесты в русских свадебных обрядах // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – 2014. – №4. – С. 211-213.

47. Margaret H. Beissinger Nature as Metaphor in Romanian and Slavic Ritual Wedding Poetry // *Philologica Jassyensia*. – 2020. – №1 (31). – С. 187-204.
48. Пропп В.Я. Поэтика фольклора [Электронный ресурс]. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/propp-poetika-folklor/index.htm> (Дата обращения: 03.05.2020).
49. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.) / Под ред. Р.И. Аванесова [Электронный ресурс]. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/old-russian-dictionary/index.htm> (Дата обращения 07.06.2021).
50. Швецова М.В. «Поляки» Змеиногорского округа [Электронный ресурс]. URL: <https://refdb.ru/look/1612164-pall.html> (Дата обращения 06.04.2021).
51. Фраёнова Е.М., Зуева Т.В. Причитания // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/music/text/3178279> (Дата обращения: 07.06.2021).

ИСПОЛНИТЕЛИ СВАДЕБНЫХ ПРИЧИТАНИЙ

■ Невеста-сирота   ■ Невеста   ■ Мать   ■ Подруги   ■ Два исполнителя (диалог)

ЭТАПЫ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА

- Сватовство и рукобитье
- Косокрашенье
- Расплетание косы
- Баня
- Утро перед венцом
- Приезд поезда
- Разное

